

УДК 130.2

Е.А. Лилитко

Харьковская государственная академия культуры

г. Харьков, ул. Бурсацкий спуск, 4

E-mail: lililena@yandex.ru

ТЕХНОЛОГИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Рассматриваются связь процесса деонтологизации и дискредитации бытия, обостренных в современной философии, и появления технологий виртуальной реальности.

С конца XX века начинают происходить события и возникать различные, прежде всего, в информационной сфере, феномены, которые существенно трансформируют современную социокультурную реальность. Речь идет об активном проникновении во все сферы повседневной жизни новых информационных технологий, в основе которого лежит бурное развитие электроники и компьютерной техники. Также следует отметить то, что параллельно происходит формирование и распространение особого типа умонастроения и мироощущения, концептуализированного в ряде философских, социологических, литературоведческих и культурологических теорий и получившего широкую известность под общим названием «постмодернизм».

Изучать информационные технологии как феномен, который принадлежит исключительно миру техники, невозможно и нецелесообразно. Это связано с тем, что они настолько глубоко проникли в жизнь практически каждого человека, что на сегодняшний день уже составляют неотъемлемую часть нашей повседневности. Поэтому вычленив их из общего мировоззренческого и социокультурного контекста не представляется возможным. Возрастающие темпы компьютеризации и непрерывный процесс развития новейших технологий требуют и указывают на необходимость их анализа, с учетом изменений в современном мировосприятии.

Технологии виртуальной реальности являются знаковым, характерным для современности феноменом. Они полностью отвечают современной мировоззренческой ситуации, выраженной в частности в философии постмодерна. Эта связь довольно часто обсуждается в научных кругах и ей посвящено обильное количество статей. Степень разработанности этой проблемы непосредственно определяется наличием в философской постмодернистской литературе работ, оценивающих роль и место информационных, компьютерных технологий в современном обществе. Среди них можно выделить работы Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза и Ф. Гваттари, У. Эко, А. Крокера и Д. Кука и др. Также интересны в данном контексте ис-

следования виртуальной реальности как законченного воплощения стиля и настроений постмодернизма (Б. Вули, В.А. Емелин, Ш. Теркл и др.). Исследований, посвященных полному анализу феномена виртуальной реальности очень мало. Среди них можно отметить работы Браславского П.И., В.М. Розина, Ильина, Ю. Святеца. Компьютерная виртуальная реальность как проявление глубоких онтологических закономерностей и принципов рассматривается в трудах У. Купера, Н.А. Носова, М.Ю. Опенкова, С.И. Орехова, М. Хейма, С.С. Хоружего, Кутырева и др. Существует также ряд работ, рассматривающих непосредственно тенденции изменения статуса онтологии в современной философии. На данную проблематику обращали внимание такие авторы, как В.А. Кутырев, Н.Н. Моисеев, С.С. Хоружий и т.д.

Нужно отметить, что таких исследований в украинско- и русскоязычной литературе мало, и ни в одной из них не изучена и не прослежена связь мировоззренческих, а также онтологических изменений в философии, выражающей общественные устроения, и возникновения феномена виртуальной реальности.

Задачами данной статьи будет являться освещение следующих вопросов: выявление изменения в отношении к реальности и понимании онтологических структур в современной философии; анализ философско-концептуальных основ компьютерной виртуальной реальности; выявление связи проблемы деонтологизации и дискредитации бытия, обостренной в современной философии, и выдвижения новых технологий виртуальной реальности. Возникновение технологии и изменение мировоззрения – коррелирующие явления. В данной статье нас не будет интересовать вопрос, что является первичным: технология ли стимулирует ментальные изменения или мировоззренческая структура современности продуцирует технологии, достоверно можно утверждать, что они взаимозависимы.

Вопрос об изменении онтоструктур важен и актуален с двух сторон. Во-первых, исследователи отмечают, что в современной философии обострилась онтологическая проблематика, трансформируясь в «нигитологию» (пользуясь термином, предложенным Т. Имамичи в работе «Моральный кризис и метатехнические проблемы» [1]). В данной статье мы не претендуем на разрешение столь сложной проблемы, но с нашей точки зрения, именно технологии виртуальной реальности указывают на один из интересных путей ее решения. Т.к. с возникновением этого феномена можно говорить о появлении идеи полиотичности (данный термин введен Н.А. Носовым, главой Центра Виртуалистики Института Человека Российской Академии наук), как преодоления кризиса нигитологии. Во-вторых, технологии виртуальной реальности не только воплощают философско-

мировоззренческие тенденции переосмысления категории бытия и реальности, но и являются активным фактором их изменения.

Как было указано выше, происходящие мировоззренческие изменения наиболее адекватно отражены в постмодернистской философии, задача которой заключается не только в деконструкции основных категорий предшествующей европейской философской мысли, но и в формировании основных мировоззренческих принципов, коррелирующих с типом мироощущения, распространяющимся в информационном обществе. Под постмодернизмом мы будем понимать специфическое мировоззрение, получившее распространение в конце XX века, наиболее адекватно отражающее состояние новых социокультурных реалий в наши дни.

Именно постмодернизм предлагает новую интерпретацию онтологии. Следуя постмодернистской рефлексии, можно увидеть, что по мнению ее представителей всю предыдущую философскую традицию можно рассматривать как последовательное развитие и углубление идеи деонтологизации. Например, если классическая философская традиция видится как ориентированная на «онтологизацию значения», то символическая концепция — как делающая видимый поворот к ее «деонтологизации», а модернизм — сохраняющий лишь идею исходной «онтологической укорененности» субъективного опыта (Д.В. Фоккема) [2].

Видение мира постмодернистской философией следует убеждению о том, что любая попытка сконструировать модель мира является провальной и бессмысленной затеей, как бы она ни оговаривалась или ограничивалась эпистемологическими сомнениями. Так, постмодернизм конструирует фундаментальный принцип «эпистемологического сомнения» в принципиальной возможности конституирования какой бы то ни было «модели мира». Соответственно, декларируется программный отказ от любых попыток создания онтологии. Онтология оказывается невозможной в системе отсчета постмодернизма.

Таким образом, мы видим, в науке и философии XX века наблюдается усиливающаяся тенденция к дискредитации бытия. Бытие предстает как проблема современности. «Из вопроса что такое бытие, природа или дух, вещи или идеи, он обострился до вопроса существует ли само бытие» [3, с. 22].

Кутырев В.А. в работе «Оправдание бытия (явление нигитологии и его критика)» [3] отмечает, что в классической традиции понятие небытия было включено в онтологию. Оно прилагалось к конкретным феноменам и обозначало трансформацию и переход из одного состояния в другое. В таком понимании бытие было абсолютно, а небытие — относительно. Небытие, ничто — это принцип временности, смены и становления — процессов, происходящих внутри вечного и бесконечного бытия. Бытие — субстанция,

оно первично, небытие – акциденция, оно обусловлено. Оппозиция бытие-небытие аксиологически нагружена. Современная философия постмодерна, напротив, движима презумпцией отказа от метафизики, сутью которой является онтология как учение о небытии.

Автор делает акцент на том, что постмодерн – это квинтэссенция подобных идей, но их фиксируют и другие авторы, не имеющие отношения к философии постмодерна. По его мнению, можно отметить несколько показательных феноменов, знаменующих изменение отношения к категории бытия:

1. Синергетика – «от бытия к становлению». «От бытия – в этом пафос синергетики как теории структурного, а не субстратного моделирования мира. В настоящее время в качестве теории самоорганизации синергетика претендует на всеобщий метод познания, а вытекающий из нее эволюционизм на новое универсальное мировоззрение. Это одна линия отхода человеческого духа от принципа бытия как выражения сохранения и тождественности вещей к принципу небытия как выражению их временности и непрерывному превращению в нечто иное» [3, с. 17-18].

«Возрождение времени», которое в ней провозглашается, есть отказ от равновесия и устойчивости, хотя бы в минимальных количествах собственных любому нечему. Чем больше движения, тем меньше бытия. Субстанциализм в таком случае начинает вытесняться реляционизмом. Синергетика – это теория принципиально неравновесных систем и мировоззрение бесконечного становления.

2. Виртуалистика – «от бытия к мышлению».

«Решительный перелом в трактовке бытия и изменении отношений идеализма с наукой наступил, когда люди столкнулись со средой, которая неадекватна их телесности и содержанием познания стало невидимое, неоощаемое, несоизмеримое с пространственно-временными параметрами, скоростями и ритмами живого. Наука потеряла наглядность и по множеству свойств перестала быть «реалистической», тем самым сблизившись с метафизикой. Главным рубежом в «измене» науки материализму и переориентации на идеальное следует признать информационную революцию, приведшую к появлению беспредметной, знаковой, экранной среды – искусственного-2» [3, с. 19].

Кутырев считает, что окончательное онтологическое торжество идеализма связано с возникновением виртуальных реальностей. Виртуальная реальность – технически конструируемая при помощи компьютерных средств интерактивная среда порождения и оперирования объектами, подобными реальным или воображаемым, на основе их трехмерного графического представления, симуляции их физических свойств (объем, движение и т.д.), симуляции их способности воздействия и самостоятельного присутствия в пространстве. Виртуальная реальность предполагает также

создание средствами специального компьютерного оборудования (специальный шлем, костюм и т.п.) эффекта (отдельно, вне «обычной» реальности) присутствия человека в этой объектной среде (чувство пространства, ощущения и т.д.), сопровождающегося ощущением единства с компьютером.

В такой среде материальная субстанция заменяется отношениями и функциями, причем опосредованными, чужими, в которые человек вовлекается только лишь сознанием. Естественным следствием этого будет являться ненужность его тела, предметов вообще. В виртуальной реальности материальные вещи и тела создают лишь помехи, они действительно ничто. «По мере того как виртуальность умножается, телесности становится все меньше, и материальные условия виртуальности все больше уничтожаются. Как долго продлится этот процесс перед крахом? Воображение разрастается, а окружающая среда и инфраструктура деградируют – это месья материи» [4, с. 70].

В американском языке слово «виртуальный» стало синонимом слова «фактический». Уже сегодня существует определенное сообщество людей, которые являются Интернет-зависимыми. «Жители» виртуально-экранного мира склонны считать его более реальным, чем первичную реальность. Это новое соотношение миров вводится в норму. Онтология замещается виртуологией. Так, в серьезном осмыслении подобного поворота во взглядах на бытие и судьбу человека сделаны первые шаги.

«Однако все существующее не есть виртуальность» [5, с. 67]. Для большинства людей это пока справедливо. Однако, нельзя не признать, что тенденция такова, что возможное, потенциальное, виртуальное состояние, сводящее человека к сознанию, все больше заменяет реальность, в которой он действует как целостное телесно-духовное существо. «Теснит его Бытие в сторону Ничто в буквальном смысле данного слова, ибо человек как чистое сознание теряет индивидуальность и растворяется в океане информации. Становится бессубстратным и без свойств, точкой пересечения отношений. На это состояние «безбытия», предметной пустоты начинают ориентироваться, из него исходят, им наполнены многие, особенно новейшие, философские течения» [3, с. 19].

3. Меонизм и нигитология – «от бытия к ничто».

Первоначальная критика бытия постепенно трансформируется в отказ от него. Происходит прямая замена бытия небытием и ничто, которые, ранее трактовались как первоначало и основа сущего, теперь выходят на mainstream философствования. «Природа боится пустоты», «небытие нельзя мыслить», «Ex nihilo nihil» (из ничего ничего не возникает) – эти аксиомы традиционного сознания перестают быть убедительными. Вечное и объективное бытие воспринимается труднее, так как почти не стало среды, которая не зависела бы от нашей преобразующей активности.

По мнению Кутырева, в целом эрозия бытия и торжество небытия, базис перемен в их соотношении определяется не силой теоретических аргументов в пользу той или иной категории, а выбором парадигмы. Смысл и характер парадигмы обуславливается ситуацией человека, изменением его положения в мире.

Итак, учение о бытии сменяется учением о небытии и ничто.

Парадигма небытия, наиболее полно раскрытая в философии постмодернизма (в особой терминологии и на одной, специфически гуманитарной части культурного спектра), в отличие от классического мышления (где она только начинает рождаться) не предполагает необходимость категории истины. Вместо нее есть информация и коммуникация; связь с созерцанием и предметной реальностью становится все меньше – вместо них мыследеятельность и исчисляюще-сортировочное мышление. В постмодернистской философской рефлексии нет боле культурных ценностей, которые должны регулировать общественную жизнь – их место занимают социальные технологии.

5. «От бытия к никто: потеря идентичности и прогрессизм».

Кутырев отмечает, что отрицание бытия, зашло намного дальше диалектики и гностицизма, а модернизм перерос в пост(гипер)модернизм. Отход от субстанциальности, предметности и онтологии после Нового времени не приостановился, наоборот, он принял радикальные формы. Все это действительно упирается в ситуацию человека, в изменение его места в мире. «Возникновение нигитологии символизирует конец антропоцентризма не только с научной точки зрения, но и ценностно, как гуманизма, когда человек рассматривался как цель и смысл бытия. «Тотальный кризис идентичности» – так иногда описывают положение, в которое попал человек в наше время. Другими словами о том же можно сказать как о тотальном кризисе человеческого бытия, философским выражением которого является кризис онтологии» [3, с. 20].

Современная культура утрачивает живое ощущение жизни, реальное ощущение реальности. Все это заменяется симуляцией реальности, с одной стороны, и симуляцией ее переживания — с другой. Поэтому феномен «объективности» оказывается в этом контексте «просто одной из форм воображаемого» (Р. Барт). Постмодернизм приходит к программной артикуляции того утверждения, что единственной реальностью, представленной в языке, является сама реальность языка, которая реализует себя в постоянно и непрерывно множащихся текстах. Этот тезис заставляет в свою очередь, расставляя точки над *i*, постулировать определенную власть языка, который формирует пространство соответствующего дискурса. Последний, однако, не претендует и не может претендовать на статус референциональной онтологии.

Подобная переориентация философии постмодернизма окончательно упраздняет какую бы то ни было возможность мыслительного движения в рамках субъект-объектной оппозиции – субъект-объектное отношение растворяется в игре дискурсивных кодов. Это задает в постмодернистской системе отсчета специфическую артикуляцию бытия, субъекта и опыта: человек как носитель культурных языков погружен в языковую (текстуальную) среду, которая и есть тот единственный мир, который ему дан. «Онтология в качестве системно организованной категориальной матрицы для описания бытия вне его культурной ангажированности в принципе невозможна в постмодернистском контексте исчерпывающего (в смысле: исчерпывающего объект до дна) семиотизма. При таком подходе культурная универсалия бытия фактически совпадает с универсалией текста (так, Джеймисон говорит о «фундаментальной мутации самого предметного мира – ставшего сегодня набором текстов»)» [2, с. 545].

Таким образом, культура постмодерна задает особую артикуляцию мира, в рамках которого бытие предстает как жизнь языка (процессуальность плюральных игр означающего, осуществляющихся по имманентным внутриязыковым законам), понятая в качестве не просто самодостаточной, но исключительной реальности.

Итак, мы видим, что в науке и философии XX века происходят перемены в понимании «бытия» и «реальности», наблюдается усиливающаяся тенденция к дискредитации бытия. Бытие предстает как проблема современности. Эти термины обретают иное наполнение, фиксируя мировоззренческие изменения в сознании современного человека. В данном контексте феномены Интернет и виртуальной реальности являются показательными и способствующими этим изменениям.

Библиографический список

1. Имамичи Т. Моральный кризис и метатехнические проблемы / Т. Имамичи // Вопросы философии. — 1995. — № 3. — С. 75.
2. Постмодернизм. Энциклопедия. — Минск: Вышейш. шк., 2001. — 1040 с.
3. Кутырев В.А. Оправдание бытия (явление нигитологии и его критика) / В.А. Кутырев // Вопросы философии. — М., 2000. — № 5. — С. 15–32.
4. Крокер А. Политическая экономия виртуальной реальности: панкапитализм / А. Крокер, М.А. Вайнштейн // Виртуальная реальность и современный мир. — М., 1997. — № 3. — С. 70.
5. Хоружий С.С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности / С.С. Хоружий // Вопросы философии. — 1997. — № 6. — С. 67.
6. Браславский П.И. Технология виртуальной реальности как феномен культуры конца 20–начала 21 веков: Автореф. дис... канд. культурологии / П.И. Браславский. — Екатеринбург, 2003. — 37 с.
7. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия / И.П. Ильин. — М., 1998. — 321 с.

Поступила в редакцию 20.11.2006 г.